

ежели кто возражаетъ. А встарину требовалось, чтобъ власть сама себя оправдывала, а не ради одного того властью называлась, что ей мундиръ присвоенъ. Мундиръ давалъ внѣшнія преимущества — вотъ и достаточно. Бывало, у обѣдни въ соборѣ — я впереди всѣхъ стою; у головы на пирогѣ — мнѣ первый кусокъ; на балѣ въ польскомъ — я съ предводительшей въ первой парѣ; въ засѣданіи комитета — я на предсѣдательскомъ мѣстѣ; по губерніи на ревизію поѣхалъ — отъ границы до границы уѣзда впереди исправникъ скачетъ; въ уѣздный городъ пріѣхалъ — купцы хлѣбъ-соль подносятъ; уѣзжать собрался — провожаютъ... Польщенъ, уваженъ, почтенъ, ситъ — какихъ еще знаковъ больше!

При этомъ краткомъ перечнѣ почестей, которыми окружена была дореформенная губернаторская власть, у всѣхъ стариковъ глаза разгорѣлись. Даже Гвоздиловъ позабылъ, что у него на душѣ постыдное дѣло лежитъ, и щелкнулъ языкомъ.

— А то, помилуйте! мундиръ во всей силѣ остался, а обстановка — упразднена!

— Ваше превосходительство! но развѣ можно такъ рѣшительно утверждать, что обстановка упразднена? А суды? а земство? Развѣ это...

— Знаю-съ, но вѣдь послѣднее слово науки и въ этихъ учрежденіяхъ расхищеніе власти усматриваетъ. Я же съ своей стороны скажу вамъ: суды и прежде, и нынче — всегда судами были. Всегда они особнякомъ стояли, а ежели послѣднее слово науки и дразнится независимостью, такъ это, во-первыхъ, одно пустословіе, а во-вторыхъ, въ вопросу о прерогативахъ власти совѣмъ и не относится. И прежде, выберутъ, бывало, отставного прапора въ предсѣдатели, — смыслу въ немъ ни капельки, а попробуй-ка кто-нибудь прикоснуться къ нему! Что же касается земства, то развѣ наука ваша принимаетъ его въ сурьезъ? И тутъ она только дразнится и малодушествуетъ. Ахъ, молодой человѣкъ, молодой человѣкъ! нынче даже сенатъ — и тотъ, предостерегающее значеніе утратилъ... Сенатъ-съ!!

При упоминаніи о сенатѣ, въ комнатѣ водворилась такая тишина, что даже лакей, убравшій со стола тарелки — и тотъ остановился, какъ вкопанный. Первый нарушилъ очарованіе Набрюшниковъ, но и то шопотомъ, единственно по чувству преданности.

— Нынче даже радуются, ежели сенатъ огорченъ, — шепнулъ онъ сосѣду своему, Купидонову.

— Все упразднено-съ! — заключилъ Покатиловъ слабѣющимъ голосомъ: — „надзоръ“ — упраздненъ-съ, коллегія — упразднена-съ,